

В. Н. Липский

Эстетическое отношение к массовому сознанию и массовой культуре

В статье автор размышляет над проблемами, которые рассматриваются в учебном пособии «Российский дискурс массовой культуры: эстетические практики и художественный образ», опубликованном в 2015 году коллективом авторов. Анализируется нестандартный подход авторов пособия к феномену массовой культуры, детерминируемый их стремлением не просто добавить темных красок к рассмотрению массовой культуры, а проникнуть в сущность конфликта между духовным творчеством и суррогатами культуры.

Обращается внимание на ряд существенных особенностей пособия: сочетание образовательных и исследовательских целей, гармонично соседствующих друг с другом; междисциплинарный подход, используемый авторами пособия при анализе культурологических проблем; нацеленность авторов на всесторонний анализ рассматриваемого феномена и др.

Главы пособия посвящены различным эстетическим практикам: существованию творческой личности в пространстве культуры, культурологическим проблемам повседневности, анализу дихотомии «*большая культура*» – *массовая культура* и др. Отмечается, что авторам пособия удалось решить главную задачу: объективно показать, как мимикрирует массовая культура, как она «встраивается» в классику, оставаясь при этом антиценностной и антихудожественной. Обращено внимание на то, что все рассмотренные эстетические практики нацелены на реализацию задач образовательного процесса.

Ключевые слова: массовая культура, учебное пособие, творчество, личность, художник, искусство, массовое сознание, интерпретация, анализ, культура, исследование.

V. N. Lipsky

Aesthetic Attitude towards Mass Consciousness and Mass Culture

In this article the author considers the problems which are investigated in the manual «The Russian discourse of mass culture: aesthetic practices and the artistic image» published in 2015 by the group of authors. The author analyses a non-standard approach of the authors of the manual to the phenomenon of mass culture determined by their wish not only to add dark colours to the investigation of mass culture but also their desire to penetrate into the essence of the conflict between the spiritual creative work and the substitute of culture.

The author pays attention to the number of essential peculiarities of this manual: combination of educational and research aims which go together in harmony, interdisciplinary approach used by the authors of the manual while analyzing cultural problems, the desire of authors to investigate all aspects of the targeted phenomenon etc.

The chapters of the manual are dedicated to different aesthetic practices: existence of a creative person in the space of culture, cultural aspects of everyday life, analysis of the dichotomy «big» culture – mass culture etc. It is shown that the authors of the manual managed to solve the main task that is to show objectively how mass culture mimic, how it is trying to «build-in» the classics being valueless and inartistic at the same time. The attention is paid to the fact that all investigated aesthetic practices are aimed at the realization of the task of the educational process.

Keywords: mass culture, manual, creative work, person, artist, art, mass consciousness, interpretation, analysis, culture, investigation.

В учебниках, издаваемых в России, традиционно рассматривается курс той или иной дисциплины в системном изложении. Если учебник посвящен философским наукам, то в нем непременно будут рассматриваться проблемы онтологии, методологии, гносеологии и другие фундаментальные проблемы, изложение которых детерминировано предметом дисциплины. В свою очередь, учебное пособие дает возможность рассматривать отдельные, наиболее существенные для определенного курса, проблемы углубленно, эмпирически направленно.

Учебное пособие «Российский дискурс массовой культуры: эстетические практики и художественный образ» [2] посвящено одной из тра-

диционных частей систематического курса эстетики, для которого свойственно рассмотрение проблем массовой культуры, однако анализ, предпринятый авторами учебного пособия, отличается нестандартностью подходов к феномену массовой культуры. Эта нестандартность определяется, во-первых, неоднородностью авторской трактовки феномена массовой культуры, при анализе проблем которой чаще всего используются темные краски (или даже черная); во-вторых, учебное пособие написано не на абстрактном маскультовском материале, нацеленном на развенчание низменных чувств, на основе которых разворачивается бытие маскульты, а насыщено современными эстетическими практи-

ками, посвященными актуальным хитросплетениям массовой культуры. Авторы пособия не осуждают, а размышляют над тем, как «вписан» феномен массовой культуры в наше окружение.

Современный этап развития науки (как естественной, так и гуманитарной) отличается взаимовлиянием методов и взаимодействием различных наук. Естественные и технические науки на эту магистральную линию глобального взаимодействия «шагнули» еще вчера, а вот гуманитарным наукам этот путь еще предстоит осваивать в силу специфического отставания гуманитарных наук от естественно-технических. Разносторонний анализ, предпринятый авторами в пособии «Российский дискурс массовой культуры...», в этом смысле исследует перспективные пути развития гуманитарного знания.

Еще одной особенностью данного пособия является непосредственное взаимодействие «чистой» теории и ее реализации в практике образования. Дело в том, что авторы рецензируемого издания почти параллельно и в целом тем же коллективом подготовили и издали монографию «Коды массовой культуры: российский дискурс» (Ярославль, 2015), в которой в сугубо теоретическом ключе всесторонне анализируется феномен массовой культуры, причем в пособии эта исследовательская линия получила дальнейшее развитие. Выбранная авторами стратегия параллельного издания монографии и учебного пособия подчеркивает их стремление максимально сблизить процессы развития науки и образования, что, несомненно, самым позитивным образом скажется на формировании профессиональных качеств будущих специалистов.

Учебное пособие, подготовленное авторским коллективом, хотя и посвящено различным эстетическим практикам (проза, поэзия, театр, режиссура и пр.), тем не менее, отличается наличием прочного каркаса, в роли которого выступает художественный образ, объединяющий трансформации и взаимодействия в классике и массовой культуре, что и придает пособию цельность и стройность.

Введение пособия служит своеобразной методологической мерой, с помощью которой авторы пытаются обратить внимание обучающихся на то, что а) истина существует сама по себе, независимо от массового сознания; б) массовое сознание имеет достаточно выраженный негативный потенциал, но механизм этого сознания уже сложился и работает и составляет базу житейских и художественных акций миллионов людей, и уже хотя бы поэтому его игнорировать невозможно.

Во введении авторы справедливо обращают внимание на известные корреляты массовой культуры: агрессивность, тиражирование и др., но не это предмет их интереса, а более глубокие масскультовские проявления, смысл которых сводится к конфликту между духовным творчеством и суррогатами культуры. Именно суррогаты низводят культуру до уровня здравого смысла, в рамках которого «все серенькие и все прыгают».

Массовая культура прагматична и «многоголова», нацелена на практичность и «безудержный рост вожделиний» (Ортега-и-Гассет). Стремясь показать скрытый в артефактах окружающего смысл массовой культуры, авторы во введении, верные своей нацеленности на образовательную практику, обращаются к труду американского исследователя массовой культуры Э. Аронсона, в котором, в частности, анализируется содержание такого, казалось бы, нейтрального, феномена, как учебник по арифметике: «Беря за основу простейших математических действий расчеты в магазинах, построение семейного бюджета, эти учебники ... есть нечто большее, чем просто отражение капиталистической системы» [2, с. 16], они легитимизируют лишь то, что имеет потребительский смысл. Тенденция проникновения прагматизма в образование, как эпидемия, вторгается и в нашу школу, в учебниках которой достаточно примеров, подобных примерам американского учебника по арифметике [1, с. 2]. К слову сказать, с родины массовой культуры как «подарок» подоспели экономические санкции по отношению к нашей стране, которые, вкупе с падением нефтяных цен, выросли для нас в своеобразное напоминание о том, что «не хлебом единым...».

Во введении авторы обращают внимание на сущностную особенность массовой культуры: образцы классического искусства «снижаются» в угоду прагматическим интересам. Массовому сознанию нужны простые образы, лишённые индивидуальности. Рынок в этой логике – главная детерминанта массовой культуры, он все способен превратить в товар, необходимый для потребления массовым сознанием (кетчуп «Гоголь», водка «Ярослав Мудрый», конфеты с воспроизведением на коробке картин классических шедевров Третьяковской галереи и др.).

В главе «Творческая личность – субъект массовой культуры» (авт. Т. С. Злотникова) рассматриваются особенности творческой личности (художника) с позиции междисциплинарности: психологии, эстетики, социологии. Анализируя различные подходы в понимании творческой личности

(Г. В. Гегель, К. Юнг, И. Кон и др.), автор в качестве ее базовой черты (свойства) выделяет талант, справедливо полагая, что единого подхода к пониманию художественного таланта в научной литературе не существует. Добавим, что едва ли и может существовать, так как в феномене таланта, как и в феномене души, теоретически можно постичь лишь то, что сказано в творениях, но не то, что «хотелось сказать» («а душу ль можно рассказать?»). Рассматривая черты творческой личности, автор относит к ним наличие особого темперамента, стремление к познанию и наслаждению процессом творчества, выявление которых важно для типологизации творческой личности.

Для выявления специфики творческой личности в различных ее психологических проявлениях (и в поле массовой культуры, в том числе) автор обращается к творчеству З. Фрейда, К. Юнга, Э. Фромма и других психологов и группирует взгляды на эту личность следующим образом:

- Творческая личность (художник) – «вечный ребенок» («большой ребенок»), так как у того и другого отсутствуют стереотипы, присутствует склонность к игре и пр.

- Творчество «обескровливает» художника, что является своеобразной расплатой за «искру божью». В поведении это проявляется «как ребячество или безумность».

- Творческая эмоция – это проявление механизма адаптации (преодоление невроза или защита от него).

- Сновидение как «первоначок» для творчества.

Все предлагаемые автором подходы к пониманию творческой личности одинаково законны, так как последняя «вполне очевидно актуализует в своей деятельности личный опыт (воспоминания, ощущения, представления) и влияния извне (социальные, психологические и культурно-бытовые)...» [2, с. 42].

Во 2-й главе пособия (авт. Т. И. Ерохина) рассматривается проблема повседневности. В отличие от социологических, философско-эстетических¹ и других работ, автор рассматривает конкретно повседневность творческой личности. Предметом рассмотрения в главе выступает повседневность в бытии декадентов-символистов. Авторский анализ представляет интерес в нескольких ракурсах: рассматриваются, во-первых, различные аспекты театрализации бытового поведения, свойственные русским символистам; во-вторых, повседневность (быт) символистов как антитеза быту в обыденном понимании; в-третьих, создание символистами своей

особой нематериально-материальной бытовой реальности.

Кружки, различные собрания, ивановские «среды» и пр. были организованы как театральные действия, в которых форма проведения чаще всего «подминала» под себя их содержание. При этом именно форма сама становилась содержанием, что давало участникам возможность «преодолеть быт как обыденность, эстетизировать жизнь в осознанном творении повседневности» [2, с. 57]. Интересная глава... Хотелось бы пожелать автору при будущих переизданиях пособия сделать ее более объемной. Возможно, для характеристики творческой личности будет иметь смысл не ограничиваться анализом повседневности у символистов, а рассмотреть углубленно линию взаимодействия материального и нематериального у творческой личности в целом. При этом понятно, что выбор в обоих случаях – за автором.

Насыщена различного рода интерпретациями образа Прекрасной Дамы глава рецензируемого пособия «Прекрасная Дама – творец и персонаж в русской культуре рубежа XIX–XX веков» (автор Н. Н. Летина), где представлены сгруппированные автором, наверное, максимально возможные трактовки этого образа в указанный период. Лаконичность рассмотрения определяется и видом издания (учебное пособие), и, очевидно, объемом, что, однако, не сказывается отрицательно на содержании главы. Образ Прекрасной Дамы автор анализирует на материале сентиментализма, романтизма и модернизма, он представлен в главе как в мужском, так и в женском вариантах. Важным достоинством главы является стремление автора проследить истоки русских интерпретаций этого образа, восходящие к европейским традициям сентиментализма и романтизма, причем указываются и конкретные персоналии, и заимствованные мотивы, «перекочевавшие» на русскую почву. Отмечается, что особенно востребованной оказалась «французская» романтическая рецепция, ставшая «матрицей для формирования романтического образа женщины – хозяйки салона, экстравагантной, светской, образованной, талантливой, интеллектуальной, духовной, свободной, знаменитой, несчастливой. И – пишущей» [2, с. 63]. Автор объясняет, почему именно эти европейские модели женского творчества получили распространение на русской почве в период Серебряного века – эпоха детерминировала поиски «великого синтеза».

Особое место в главе уделено философско-эстетическим влияниям на мужское и женское творческое начало работ С. Соловьева (учение о

Софии Премудрой) и Н. Бердяева (о примате женского начала в национальной духовной традиции). Привлекая философско-эстетический материал для понимания образа Прекрасной Дамы, автор, тем самым, показывает, что европейская тенденция мистицизма трансформируется в обобщенные «Вечную женственность», видение «Мировой души», приобретая тем самым не европейско-индивидуализированный, а свойственный русскому национальному менталитету все-ленский смысл.

Глава «Эстетические практики личности как противостояние массовой культуре» (авт. Т. С. Злотникова) написана на материале творчества С. Юрского, одного из «самых элитарных» (по выражению Т. С. Злотниковой) из ныне живущих актеров и режиссеров. Кроме того, в главе анализируется и феномен творчества, а философско-эстетические размышления автора главы выходят за пределы анализа творчества конкретной персоналии. При этом Т. С. Злотниковой удается сочетать указанные размышления с глубоким анализом творчества Юрского-художника, настолько глубоким, что порой представляется, будто у автора уже готов материал для отдельного исследования об С. Юрском. Данная глава, как и предыдущая, – замечательная иллюстрация того, что анализировать и исследовать массовую культуру возможно, погружаясь в анализ высокодуховных идеалов и ценностей «большой» культуры, выдвигая их в качестве противопоставления серому шоуцентризму, захватывающему все большие культурные пространства.

Вероятно, такое направление анализа особенно ценно для учебного пособия, так как способствует формированию у будущих специалистов навыков целостного, а не одностороннего подхода к рассмотрению культурного процесса.

Вообще, ценность учебного пособия обусловлена стремлением авторов к формированию у обучающихся полифонического подхода к явлениям культуры; авторы побуждают студентов и аспирантов-гуманитариев к соразмышлению, что нечасто свойственно учебным пособиям, обычно освещающим «правильную» точку зрения на рассматриваемые процессы.

Скорее всего, философичность рассуждений автора в главе о Юрском вполне коррелируется с философичностью творчества самого Юрского, то есть сам «материал» детерминирует размышления о русском бытии и менталитете. Особенно интересным представляется раздел «Интеллигенция», в котором творчество Юрского служит автору своеобразным поводом для размышлений о Художнике, месте интеллигенции в России, и,

наверное, самое главное, о ее вечной противоречивости в бытии России. Свой разговор об интеллигенции Т. С. Злотникова ведет, основываясь, в первую очередь, на игре Юрского в образе великого драматурга из булгаковской пьесы «Мольер». Злотникова пишет о том, что он играет не художника – «он играет его жизнь».

Очевидно, стареющий булгаковский Мольер и сыгравший его Юрский «понадобились» автору главы для того, чтобы сосредоточиться не на внешне привлекательных сторонах бытия (ведь можно было взять другой материал); автор движим стремлением «погрузить» обучающихся вглубь бытия – жизни, сквозь призму трагического ухода великого драматурга и блистательно сыгравшего этот уход актера Юрского. При этом, безусловно, нужно обратить внимание на глубокое знание и понимание всей «палитры» творчества Юрского-актера и Юрского-режиссера, представленное в главе.

Важной особенностью пособия является его всеобщий характер: рассматриваемые эстетические практики охватывают различные виды и стороны эстетической деятельности (искусство в его различных интерпретациях, быт и пр.), что позволяет рассмотреть эти практики всесторонне. Весомый вклад в рассмотрение различных эстетических практик вносит глава под названием «Эстетические практики личности в материальной среде» (авт. Т. С. Злотникова). Этой проблеме в эстетической и искусствоведческой литературе посвящено немало работ, где внимание центрируется преимущественно на содержании городской среды. В анализируемой главе автор сосредоточивает внимание на субъект-объектных сторонах городской среды – тексте и контексте. Т. С. Злотникова отмечает, что та бессознательная коммуникация, которая возникает между спешащим по своим делам городским жителем (человеком массы) с встречающимися ему памятниками и скульптурами, заслуживает специального анализа, так как современные городские скульптуры – это еще одно из проявлений массовой культуры. В отличие от памятников, «так или иначе соответствующих традиций увековечения облика и образа жизни выдающихся людей, *городские скульптуры*, внедренные в толпу, формируются и обеспечиваются связью со средой по образцу обыденной личности» [1, с. 5, 109]. В главе выделены различные группы городских скульптур (профессиональные, социально-демографические и др.) и показаны особенности коммуникации человека с этими группами.

В данной главе рассматривается еще один нетривиальный способ коммуникации человека с

городской средой – внешний вид человека в различных его трансформациях во взаимодействии с окружением. Т. С. Злотникова дает свое понятие внешнего вида, вкладывая в него проявления индивидуальных, социальных и биологических характеристик костюма. Человек коррелирует свой внешний вид с различными условиями городской среды, подражая в своей массе модным образцам.

Человек массы зависит от моды, которая детерминирует выражение им социально-биологических характеристик, что делает принятый автором анализ взаимосвязи человека и среды всеохватывающим. В результате анализа Злотникова делает вывод о том, что человек не просто зависит от среды, но и «динамически адаптируется к ней», в свою очередь, становясь «элементом этой среды». Отличие авторского анализа, таким образом, заключено в диалектичности подхода, при котором «*текст* городской среды прочитывается через... “человека массы”, в то время как *контекст* включает статичные и динамичные объекты» [2, с. 121], созвучные самому человеку.

Глава «Специфика художественного образа в классической традиции» (авт. Т. С. Злотникова) начинается с анализа широко используемого в обиходе понятия «классика». Обращение автора к этому понятию определяется, в первую очередь, дальнейшим контекстом главы, кроме того, уяснение этого понятия важно и для целей образовательного процесса. Еще одной принципиально важной культурологической проблемой, толкуемой автором, является то, как обычное явление превращается в классику (впрочем, это принципиально и для образовательных целей).

От анализа различных интерпретаций понятия «классика» Т. С. Злотникова переходит к интереснейшим размышлениям о том, что есть классический текст, привлекая для подтверждения идеи семиотики, структурализма и герменевтики. Основываясь на идеях перечисленных направлений, автор представляет свою оригинальную типологию классических текстов, которая, очевидно, является одной из первых попыток (а возможно, и первой) типологизации классических текстов: энциклопедия (с ее затекстовой и подтекстовой интерпретацией), письмо, посвящение и пр. В качестве пояснения Т. С. Злотникова привлекает материал из энциклопедических изданий, анализирует письма из некоторых художественных произведений. Сжатый, но вместе с тем культурологически выверенный анализ примеров классического текста нужен автору, в первую очередь, для того, чтобы растолковать обучающимся отличие *классического текста* от *текста*

классических произведений. Первые, основанные на штампах, клише и стереотипах, являются закрытыми системами (строятся главным образом не по гуманитарным, а по естественно-научным принципам), а вторые, являясь открытыми системами, несут в себе «непознанный запас смыслов», являются индивидуализированными, нуждаются в интерпретации и понимании.

Глава «Художественный образ власти в классике и в массовой культуре» (авт. Т. С. Злотникова) является концептуальной в социально-политическом смысле, так как в ней автор берется за осмысление сложной связи: власть – художник – народ. Один из разделов данной главы посвящен интерпретации власти в произведениях классической литературы. Рассматривая различные ипостаси взаимодействия власти и творца, автор в очередной раз выходит за рамки анализа «просто» художественных образов и размышляет о психологии власти, интерпретации истории властных отношений в России (на материале анализа художественных образов властителей из произведений А. С. Пушкина, А. Н. Островского, А. Н. Толстого). Т. С. Злотникова демонстрирует глубину понимания нравственной и политической природы власти. Размышляя в связи с этим о «Борисе Годунове», автор указывает на прозорливость А. С. Пушкина, показавшего, что любые формы узурпации власти опасны как в политическом, так и в нравственном смысле, что «обыватель презирает любое персонифицированное воплощение власти и одновременно боится его» [2, с. 144], так как государственная машина способна довести «маленького человека до иступления». Размышления автора над художественной интерпретацией природы власти в истории России – это не только демонстрация социально-художественных возможностей классической литературы в понимании природы властных отношений, но и «указующий перст» в будущее, так как прошлое подготавливает будущее.

Вторая часть главы посвящена анализу интерпретаций власти в современной массовой культуре. Анализируя различные версии произведений, посвященных недавней власти (о Сталине, Хрущеве, Брежнев, Фурцевой), Т. С. Злотникова обращает внимание, во-первых, на мифологизацию политических деятелей недавнего прошлого (авторы творений движимы идеей угодить массовым ожиданиям); во-вторых, на поверхностную, банальную трактовку образов власти в вышедших в последние годы фильмах. И самый главный вывод автора, проанализировавшего трактовку образов власти, состоит в том, что в «России власть пони-

мается как живая, как объект, который можно возненавидеть, даже если она удалена из истории, или полюбить, даже если ее жестокость была явлена совсем недавно» [2, с. 153]. Т. С. Злотникова обращает внимание на то, что авторы, работающие в русле массовой культуры, чутко реагируют на любые «дуновения» в массовых предпочтениях относительно исторических мифологем в трактовке образов власти.

Глава «Трансформации классического художественного образа в личном опыте представителей массовой культуры» (авт. Д. Ю. Густякова) демонстрирует сюрреалистический характер массовой культуры, использующей русские классические произведения элитарного жанра (оперного искусства, в частности) с целью «встраивания» его в постмодернистские формы, предлагая европейскому зрителю «простые, лежащие на поверхности, соответствующие ожиданиям, доступные и понятные... смыслы» (с. 164–165). Д. Густякова выделяет ряд принципов и приемов, используемых режиссерами постмодерна в оперном искусстве, что функционально значимо для обучающихся при анализе всевозможных постмодернистских интерпретаций классического оперного искусства.

На материале анализа оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин», поставленной режиссером С. Херхаймом в Нидерландской опере, автор убедительно показывает, что попытки перекодирования классического произведения русской культуры в упрощенно-удобную для восприятия западной публики форму, во-первых, разрушает художественную цельность первоисточника; во-вторых, подобный подход не решает главной проблемы – проникновения западного человека в мир русской культуры, взаимодействия с ним (что, впрочем, относится к любой другой культуре).

Глава «Художественный образ в трансформирующемся мире творческих методов и направлений» (авт. Т. С. Злотникова), на первый взгляд, посвящена той же проблеме – анализу «встраивания» массовой культуры в классическое искусство. Однако в этой главе присутствует также другой «пласт» анализа (как это было и в других главах, написанных Т. С. Злотниковой), в контексте которого параллельно с первым рассматриваются «чисто» теоретические проблемы литературоведения и эстетики.

Возникновение этого авторского пласта детерминировано последующим изложением, в рамках которого автор показывает, как «солдаты» масскульты манипулируют с романтической и реалистической парадигмами классики.

Начало главы посвящено историко-методологическому анализу методов «романтизм» и «реализм», причем в качестве теоретической основы выступает творчество А. С. Пушкина. В ходе сжатого, но емкого анализа методов автор приходит к выводу, что «особенности как реалистического, так и романтического методов определились в плоскости мироощущения и специфической картины мира, которая, по В. Г. Белинскому, либо опирается на действительность, либо от этой действительности отталкивается (отторгает ее от себя)» [2, с. 178].

Теоретический «пласт» становится коррелятом для авторского анализа современных произведений массовой культуры («Дозоры» С. Лукьяненко и «Белое на черном» Т. Д. Гальего). Т. С. Злотникова показывает, как автор «Дозоров» эксплуатирует романтическую парадигму классики, как «перерабатывает» «мотивы, коды, мифологемы, пришедшие из русской классики» [2, с. 179].

Анализируя «Сумеречный дозор», автор демонстрирует, «как все смешалось» в ткани этого произведения: русская и зарубежная классика, М. Булгаков, Е. Замятин и В. Набоков, мистика и пр. и пр., показывает, что попытка С. Лукьяненко «встроить» масскультовский текст в романтическую традицию рассчитана на неискушенного читателя. По сходному клише скроен и текст Р. Д. Г. Гальего «Белое на черном», смысловая направленность которого состоит в том, что «классика простодушно и назойливо используется и как образец и как адресат апелляции...» [2, с. 18]. Данная глава является своеобразным алгоритмом, к которому могут прибегнуть обучающиеся для научного анализа текстов современной массовой культуры.

Со сходной парадигмой анализа мы встречаемся и в заключительной главе пособия «Классический образ в массовой культуре: перекодирование романтического текста» (авт. Н. Н. Летина). Автор главы анализирует проект массовой культуры – телероман «Бедная Настя», создатели которого выхолащивают классическую романтическую традицию «при помощи набора узнаваемых романтических штампов, которым попытались придать сентименталистское звучание» [2, с. 201]. Н. Н. Летина осуществляет скрупулезный анализ поэтических произведений Ю. Жадовской и А. Апухтина, показывая, как авторы романа «Мне не жаль», перетасовывая между собой части их стихотворений, создают из романа некий микс, в структуре которого учтены предпочтения потребителя массовой культуры.

Весьма интересными являются приложения (№ 1–3) к учебному пособию (авт. Т. С. Злотникова), в которых, с одной стороны, кратко рассматриваются важные для понимания учебного процесса понятия (уровни образования, образование, процесс образования и др.), с другой – анализируется специфика российского образования, в котором, как отмечает автор, традиционно упор делался на нравственной составляющей. Вполне логично в этом контексте предложение Т. С. Злотниковой положить в основу любой образовательной деятельности культурологическую парадигму, что соответствует традициям среднего и высшего образования в России.

В приложении № 1 автор как данность образования фиксирует сформировавшуюся особенность, связанную с тем, что оно «оказалось невольным, но прочно вписанным в систему массовой культуры» [2, с. 212], поэтому участники образовательного процесса (в первую очередь педагоги) эту данность обязаны учитывать. Очевидно при этом, что задача педагогов-гуманитариев и исследователей-гуманитариев состоит в том, чтобы в ходе своей деятельности учитывать всеохватность масскультовского проникновения во все слои общества, активное внедрение идей массовой культуры (с помощью ТВ, кино, литературы и др.) в умы всех участвующих в образовательном процессе (от школьников до профессоров).

В приложении № 2 Т. С. Злотникова заостряет внимание на проблеме «опрокидывания ценностей» (Н. Бердяев), смысл которой в сознательной инверсии массового (искусства в том числе) в элитарное, при котором коммерциализация, физиологизм, сквернословие и т. д. становятся «не маргиналией, а нормой».

Квинтэссенцией приложения № 3 является проблема «вычленения личности из массы» с помощью творчества и на его основе. Творчество, полагает автор, – это «граница между неповторимой личностью и унифицированной массой» [2, с. 219]. В этом смысле личность – это человек преобразующий и созидующий. Не воспроизводящий (примером тому – деятели культуры, рекламирующие массовую продукцию различных брендов, известных и не очень), а именно личность, созидающая «не бывшее».

Отличительной особенностью рецензируемого учебного пособия является, если можно так

выразиться, его дух, состоящий в том, что оно лишено поучительности и дидактизма, обычно свойственных учебным изданиям. Преимуществом учебного пособия является и его исследовательски-образовательная направленность: авторы не опускаются до упрощенной подачи материала, предназначенного для обучающихся, а наоборот, «подымают» материал на исследовательский уровень, что, однако, не сказывается на доступности его изложения. Учебное пособие, несомненно, полезно, в первую очередь, благодаря стремлению авторов показать обучающимся, как нужно осуществлять анализ современных культурологических процессов, что, в конечном итоге, способствует формированию у обучающихся познавательных навыков. И конечно же, цель показать смысл массовой культуры в различных проявлениях, ее всевозможные инверсии и «встраивания» в классику авторами с успехом достигнута.

Хочется пожелать авторам в дальнейшей работе над учебным пособием расширить отдельные главы (на некоторые указывалось выше), а также снабдить пособие небольшим словариком.

Библиографический список

1. Петерсон, Л. Г. Математика. 4 класс [Текст] / Л. Г. Петерсон. – М. : Ювента, 2014. – 128 с.
2. Российский дискурс массовой культуры: эстетические практики и художественный образ [Текст]: учебное пособие по курсу «Эстетика и теория искусства» / под научн. ред. Т. С. Злотниковой, Т. С. Ерохиной. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015. – 227 с.

Bibliograficheski j spisok

1. Peterson, L. G. Matematika. 4 klass [Tekst] / L. G. Peterson. – M. : Juventa, 2014. – 128 s.
2. Rossijski j diskurs massovoj kul'tury: jesteticheskie praktiki i hudozhestvenny j obraz [Tekst]: uchebnoe posobie po kursu «Jestetika i teorija iskusstva» / pod nauchn. red. T. S. Zlotnikovoj, T. S. Erohinov. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2015. – 227 s.

¹ Автор этих строк в ряде своих работ рассматривал эстетизацию различных сторон человеческой повседневности (практическая деятельность, быт и другие стороны). См.: В.Н. Липский. «Эстетическая культура советского человека». – М., 1974; В.Н. Липский. «Эстетическая культура и личность». – М., 1987 и др.